

Обелиск

Из собрания сочинений

Альпийская баллада
Мёртвым не больно
Журавлиный крик
Волчья стая
Дожить до рассвета
Карьер
Круглянский мост
Обелиск
Одна ночь
Сотников
Знак беды

Василь Быков
Из собрания сочинений

ОБЕЛИСК

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
Б95

Быков, В.

Б95 Обелиск / В. Быков. – М. : Т8RUGRAM / Агентство
ФТМ, 2018. – 348 с.

ISBN 978-5-521-74336-0

Книги, созданные белорусским прозаиком Василем Быковым, принесли ему мировую известность и признание миллионов читателей. Пройдя сквозь ад Великой Отечественной войны, прослужив в послевоенной армии, написав полсотни произведений, жёстких, искренних и беспощадных, Василь Быков до самой своей смерти оставался «совестью» не только Белоруссии, но и каждого отдельного человека вне его национальной принадлежности. В сборник вошли две повести «Обелиск» и «Пойти и не вернуться».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
ВІС FV
BISAC FIC032000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. В.В. Быков,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74336-0

Обелиск

За два долгих года я так и не выбрал времени съездить в ту не очень и далекую от города сельскую школу. Сколько раз думал об этом, но все откладывал: зимой — пока ослабнут морозы или утихнет метель, весной — пока подсохнет да потеплеет; летом же, когда было и сухо и тепло, все мысли занимал отпуск и связанные с ним хлопоты ради какого-то месяца на тесном, жарком, перенаселенном юге. Кроме того, думал: подъеду, когда станет свободней с работой, с разными домашними заботами. И, как это бывает в жизни, дооткладывался до того, что стало поздно собираться в гости — пришло время ехать на похороны.

Узнал об этом также не вовремя: возвращаясь из командировки, встретил на улице знакомого, давнишнего товарища по работе. Немного поговорив о том о сем и обменявшись несколькими шутивными фразами, уже распрощались, как вдруг, будто вспомнив что-то, товарищ остановился.

— Слыхал, Миклашевич умер? Тот, что в Сельце учителем был.

— Как умер?

— Так, обыкновенно. Позавчера умер. Кажется, сегодня хоронить будут.

Товарищ сказал и пошел, смерть Миклашевича для него, наверно, мало что значила, а я стоял и растерянно смотрел через улицу. На мгновение я перестал ощущать себя, забыл обо всех своих неотложных делах — какая-то еще не осознанная виноватость внезапным ударом оглушила меня и приковала к этому кусочку асфальта. Конечно, я понимал, что в безвре-

менной смерти молодого сельского учителя никакой моей вины не было, да и сам учитель не был мне ни родней, ни даже близким знакомым, но сердце мое остро защемило от жалости к нему и сознания своей неправимой вины — ведь я не сделал того, что теперь уже никогда не смогу сделать. Наверно, цепляясь за последнюю возможность оправдаться перед собой, ощутил быстро созревшую решимость поехать туда сейчас же, немедленно.

Время с той минуты, как я принял это решение, помчалось для меня по какому-то особому отсчету, вернее — исчезло ощущение времени. Изо всех сил я стал торопиться, хотя удавалось это мне плохо. Дома никого из своих не застал, но даже не написал записки, чтобы предупредить их о моем отъезде, — побежал на автобусную станцию. Вспомнив о делах на службе, пытался дозвониться туда из автомата, который, будто назло мне, исправно глотал медяки и молчал, как заклятый. Бросился искать другой и нашел его только у нового здания гастронома, но там в терпеливом ожидании стояла очередь. Ждал несколько минут, выслушивая длинные и мелочные разговоры в синей, с разбитым стеклом будке, поссорился с каким-то парнем, которого принял сначала за девушку, — штаны клеш и льняные локоны до воротника вельветовой курточки. Пока наконец дозвонился да объяснил, в чем дело, упустил последний автобус на Сельцо, другого же транспорта в ту сторону сегодня не предвиделось. С полчаса потратил на тщетные попытки захватить такси на стоянке, но к каждой подходившей машине бросалась толпа

более проворных, а главное, более нахальных, чем я. В конце концов пришлось выбирать на шоссе за городом и прибегнуть к старому, испытанному в таких случаях способу — голосовать. Действительно, седьмая или десятая машина из города, доверху нагруженная рулонами толя, остановилась на обочине и взяла нас — меня и парнишку в кедах, с сумкой, набитой буханками городского хлеба.

В пути стало немного спокойнее, только порой казалось, что машина идет слишком медленно, и я ловил себя на том, что мысленно ругаю шофера, хотя на более трезвый взгляд ехали мы обычно, как и все тут ездят. Шоссе было гладким, асфальтированным и почти прямым, плавно покачивало на пологих взгорках — то вверх, то вниз. День клонился к вечеру, стояла середина бабьего лета со спокойной прозрачностью далей, поредевшими, тронутыми первой желтизной перелесками, вольным простором уже опустевших полей. Поодаль, у леса, паслось колхозное стадо — несколько сот подтелков, все одного возраста, роста, одинаковой буро-красной масти. На огромном поле по другую сторону дороги тарахтел неутомимый колхозный трактор — пахал под зябь. Навстречу нам шли машины, громоздко нагруженные льнотрестой. В придорожной деревне Будиловичи ярко пламенели в палисадниках поздние георгины, на огородах в распаханых бороздах с сухой, полегшей ботвой копались деревенские тетки — выбирали картофель. Природа наполнилась мирным покоем погожей осени; тихая человеческая удовлетворенность просвечивала в размеренном ритме извеч-

ных крестьянских хлопот; когда урожай уже выращен, собран, большинство связанных с ним забот позади, оставалось его обработать, подготовить к зиме и до следующей весны — прощай, многотрудное и многозаботное поле.

Но меня эта умиротворяющая благодать природы, однако, никак не успокаивала, а только угнетала и злила. Я опаздывал, чувствовал это, переживал и клял себя за мою застаревшую лень, душевную черствость. Никакие мои прежние причины не казались теперь уважительными, да и вообще были ли какие-нибудь причины? С такой медвежьей неповоротливостью недолго было до конца прожить отпущенные тебе годы, ничего не сделав из того, что, может, только и могло составить смысл твоего существования на этой грешной земле. Так пропади она пропадом, тщетная муравьиная суета ради призрачного ненасытного благополучия, если из-за него остается в стороне нечто куда более важное. Ведь тем самым опустошается и выхолащивается вся твоя жизнь, которая только кажется тебе автономной, обособленной от других человеческих жизней, направленной по твоему, сугубо индивидуальному житейскому руслу. На самом же деле, как это не сегодня замечено, если она и наполняется чем-то значительным, так это прежде всего разумной человеческой добротой и заботой о других — близких или даже далеких тебе людях, которые нуждаются в этой твоей заботе.

Наверно, лучше других это понимал Миклашевич.

И, кажется, не было у него особой на то причины, исключительной образованности или утонченного вос-

питания, которые выделяли бы его из круга других людей. Был он обыкновенным сельским учителем, наверно, не лучше и не хуже тысяч других городских и сельских учителей. Правда, я слышал, что он пережил трагедию во время войны и чудом спасся от смерти. И еще — что он очень болен. Каждому, кто впервые встречался с ним, было очевидно, как изводила его эта болезнь. Но я никогда не слыхал, чтобы он пожаловался на нее или дал бы кому-либо понять, как ему трудно. Вспомнилось, как мы с ним познакомились во время перерыва на очередной учительской конференции. С кем-то беседуя, он стоял тогда у окна в шумном вестибюле городского Дома культуры, и вся его очень худая, остроплечая фигура с выпирающими под пиджаком лопатками и худой длинной шеей показалась мне сзади удивительно хрупкой, почти мальчишечьей. Но стоило ему тут же обернуться ко мне своим увядшим, в густых морщинах лицом, как впечатление сразу менялось — думалось, что это довольно побитый жизнью, почти пожилой человек. В действительности же, и я это знал точно, в то время ему шел только тридцать четвертый год.

— Слышал о вас и давно хотел обратиться с одним запутанным делом, — сказал тогда Миклашевич каким-то глухим голосом.

Он курил, стряхивая пепел в пустой коробок из-под спичек, который держал в пальцах, и я, помнится, невольно ужаснулся, увидев эти его нервно дрожащие пальцы, обтянутые желтой сморщенной кожей. С недобрым предчувствием я поспешил перевести